

УДК 81.42

DOI: 10.18413 / 2313-8912-2015-1-3-33-40

*Найденова Н.С.***КОНЦЕПТ «НЕЗАВИСИМОСТЬ»
В РОМАНАХ АФРИКАНСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ НА ФРАНЦУЗСКОМ
И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Найденова Наталья Сергеевна,
доцент, доктор филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия
E-mail: nns1306@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются языковые механизмы вербализации концепта «независимость» в африканских художественных текстах на французском и испанском языках. Независимость оказывается одной из важнейших составляющих темпорального кода африканской культуры, точкой бифуркации в художественном пространстве и времени. Африканцев окрыляет возможность взять власть в молодых государствах в свои руки. Однако во главе государств зачастую оказываются отнюдь не те политические лидеры, которые радеют о процветании своих стран. Независимость вызывает у граждан новых республик смешанные чувства надежды, разочарования и тревоги за будущее.

Амбивалентное восприятие концепта «независимость» находит яркое выражение в произведениях африканских писателей на французском и испанском языках, использующих широкую палитру языковых средств, включающих в себя подбор лексических средств, использование приема пиджинизации, состоящего во введении в нарративную ткань автохтонных элементов на различных языковых уровнях, высокой степени метафоризации.

Ключевые слова: французский язык; испанский язык; африканская литература; Тропическая Африка; независимость.

UDC 81.42

DOI: 10.18413 / 2313-8912-2015-1-3-33-40

*Naydenova N.S.***THE CONCEPT
OF INDEPENDENCE IN THE
NOVELS BY AFRICAN WRITERS
IN FRENCH AND SPANISH****Naydenova Natalia Sergeyevna***PhD in Philology, Associate Professor*

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

*E-mail: nns1306@mail.ru***ABSTRACT**

The article deals with the description of linguistic mechanisms of expressing the concept of independence in African literary texts in French and Spanish. Independence is one of the most important components of the African culture code, a bifurcation point of the fictitious space and time. Africans are thrilled by an opportunity to take the reins of power in the young states. However, brand new political leaders are not always eager to care about the prosperity of their countries as expected. Therefore, for the citizens of the young republics, independence becomes the source of mixed feelings of hope, disappointment and alarm about the future.

The ambivalent perception of this concept is illustrated by African writers' novels in French and Spanish involving a bright palette of language means. It comprises a careful selection of lexical units, the use of pidginization involving the introduction of autochthonous elements in the narrative covering various linguistic levels as well as a high degree of metaphorization.

Key words: French; Spanish; African literature; sub-Saharan Africa; independence.

Важной вехой для африканских стран является дата обретения независимости, расколовшей их историю на две фазы. Основой для сравнения выступает состояние до и после «независимостей»: во французском языке стран Тропической Африки данная лексема используется практически исключительно во множественном числе (*les indépendances*), а в испанском форма множественного числа (*las independencias*) употребляется применительно только к обретению независимости африканскими странами в целом. Концепт «независимость» обретает в африканском художественном дискурсе совершенно особое смысловое наполнение, отличное от того, ко-

торым он наделяется исходно. Несовпадение содержательной стороны данной лексической единицы при ее использовании в различных ареалах повлекло за собой необходимость введения в африканский художественный дискурс ее пиджинизированного эквивалента – *dipanda*. В романе «Дитя Пото-Пото», действие которого начинается в день независимости Конго, А. Лопес использует именно эту лексическую единицу, семантика которой вбирает в себя целую гамму оттенков значения: восторга, эйфории и в то же время недоверия, боязни за будущее. Лексема *dipanda* может использоваться также в атрибутивных словосочетаниях в качестве определения:

Certains nous appelaient les enfants *dipanda*, un mot forgé pour traduire indépendance *en langue* [7, p. 9].

Некоторые называли нас детьми *dipanda* – слово, созданное для обозначения независимости на нашем языке.

Для описания знаменательного события писатель использует краткие, емкие фразы:

C'était le 15 août 1960. La nuit de l'Indépendance. La nuit des espoirs. Des espoirs insensés, soupiraient les parents [7, p. 9].

Было 15 августа 1960 года. Ночь обретения независимости. Ночь надежд. Безрассудных надежд, вздыхали родители.

Связь между эллиптическими предложениями и последующим текстом устанавливается с помощью приема анадиплозиса. В качестве связующего звена выступает лексема «надежды» (*espoirs*), коннотация которой меняется на полярно противоположную в двух последовательных предложениях. Эпитет «безрассудный» (*insensé*) стирает какие бы то ни было ожидания изменений к лучшему.

Проблема идентичности индивида раскрывается автором сквозь призму коллективной. Показательна в этом отношении сцена со спуском французского триколора и заменой его на флаг молодой африканской республики. При виде этого зрелища у главной героини «встает в горле ком» [7, p. 12]. «Абсурдное чувство», отмечает она [7]. С первыми звуками Марсельезы все участники эпохального мероприятия вытягиваются в струнку – ведь они знают французский гимн не хуже таблицы умножения [7, p. 11]. Напротив, гимна нового государства,

который исполняется на французском языке, никто не знает. Новый флаг, как и французский, содержит три цвета, которым автор дает весьма своеобразное описание: зеленый цвет ассоциируется с традиционным блюдом сака-сака, а красный – с перцем пили-пили [7, p. 12-13].

Молодая политическая элита сохраняет ментальность вечно «угнетенного», боится, что белые примут их за дикарей, вновь поднимут триколор и конфискуют независимость [7, p. 13]. Речь нового президента, Аббата Юлу, одетого в сутану от Диор, написана французами. Да и генерала де Голля граждане молодой республики по-прежнему именуют *papa* [7, p. 13].

Dipanda воспринимается африканцами как нечто эфемерное, что можно «конфисковать». Обретение независимости кажется им не закономерностью, не восстановлением исторической справедливости, а актом «самозахвата», за который их непременно заставят заплатить:

...nous avons eu l'insolence de nous éгалer aux dieux en voulant réécrire l'Histoire, lorsque nous avons osé déposséder les Mindélés du commandement du pays. L'heure était venue de payer la rançon de Dipanda [7, p. 69].

...мы набрались дерзости приравнять себя к богам, желая переписать Историю, когда мы осмелились отобрать у белых бразды правления страной. Пришел час расплаты за независимость.

Отношение простых людей к столь важному политическому событию, способному вызвать лишь «неразумные надежды», раскрывается в словах участника народных гуляний, обращенных к главной героине Кимии:

« Oh, mais c'est quoi, maman ? Viens biguiner, ko. À la prochaine Dipanda nous ne serons plus de ce monde, la belle. » [7, p. 16]

«О, да что ж это такое, сестра? Давай, иди танцевать. Когда наступит следующая независимость, мы уже покинем этот мир, красotka».

Это искреннее высказывание, пересыпанное просторечиями и колоритными междометиями, выявляет отсутствие каких бы то ни было надежд на лучшее будущее, фатализм, присущий африканской ментальности.

Как и А. Лопес, гвинейский писатель Х. Мбомио Баченг в романе «Следы под землей» рисует сцену обретения независимости. С иронией описывает он выступление ис-

панского делегата Мануэля Фрага Ирибарре, который, взмокнув от жары, но, не прерываясь «ни для того, чтобы попить воды, ни для того, чтобы передохнуть» [9, p. 47 - 48], источает дух европейского просветительства и восхваляет роль Испании в развитии Экваториальной Гвинеи. Простые гвинейцы, как и персонажи А. Лопеса, скорее недоумевают по поводу причины столь бурного празднества:

Mba no comprendía tales conceptos. ¿Quién es Estado, quién le ha visto?, ¿qué era la república para él y su tribu?, ¿qué era Guinea? ¿Quién era independiente? <...> Allí, en la plaza de la capital, no se identificaba con nadie [9, p. 41].

Эти понятия были неясны Мба. Кто такой Государство, кто его видел? Что такое республика для него и его племени? Что такое Гвинея? Кто стал независимым? <...> Там, на столичной площади, все были для него чужими.

Приведенный отрывок выражает искреннее недоумение говорящего новым общественным порядком и насыщен речевыми ошибками (использование местоимения *le* вместо *lo*, нарушение категории одушевленности/неодушевленности), что придает ему юмористический оттенок. Однако впоследствии этот юмор оказывается черным, т.к.

Мба, оторвавшись от традиционной сельской культуры, но так и не сумевший себя ни с кем идентифицировать, превращается в одного из палачей режима.

Подобные слова звучат и из уст крестьянина Нсуэ в споре с католическим священником о. Габриэлем и марксистом Патрисио:

Hoy estoy en la cárcel, pero en mi cultura tradicional yo no he cometido ningún delito <...> a mi familia nunca le ha faltado nada, siempre he cumplido con mi deber de hombre africano. Luego nos dijeron que había que crear un Estado, dar nacimiento a una república, ser independientes. Yo no sabía todo eso, tampoco me interesaba, pero hice como los demás... [9, p. 70].

Сегодня я сижу в тюрьме, а ведь в своей традиционной культуре я не совершил никакого преступления <...> моя семья никогда ни в чем не нуждалась, я всегда исполнял свой долг африканского мужчины. Потом нам сказали, что нужно было создать Государство, заложить основы республики, стать независимыми. Я всего этого не знал, да мне и неинтересно было, но я поступил как все...

Нсуэ не испытывает проблем с самоидентификацией – самым важным для него является благосостояние его семьи, а необходимость следовать африканским ценностям не вызывает у него сомнений. Тем не менее, как метко подмечает М. Льюис, «Нсуэ становится жертвой, а Мба – палачом» [4, р. 172]. Новый режим отказывает простым гвинейцам, подобным Нсуэ, в самом главном праве – праве на существование: независимость и пришедшая с ней концепция «демократического» государства не приносит Нсуэ ничего, кроме смерти.

Метафоры, используемые для описания африканской действительности после обретения независимости, часто черпаются писателями из мира природы. А. Курума приравнивает независимость к полчищу саранчи, обрушившейся на континент (*une nuée de sauterelles*) [3, р. 22]. А. Лопесом она сравнивается с болотом, наполненным крокодилами (*un marais rempli de crocodiles*) [5, р. 30]. М. Нсуэ Ангуэ говорит об эпидемии «лихорадки завтрашнего дня» (*la fièvre del mañana*), завладевшей умами африканцев, гонящихся за призрачным недостижимым счастьем в то время как проходят годы и века.

Для описания обстановки, сложившейся после обретения независимости – «колониализма, неоколониализма и его субпродуктов» (*le colonialisme, le néocolonialisme et ses sous-produits*) – А. Лопес использует метафоры, основанные на природных катаклизмах. Конго превращается в «зону грозовой деятельности» (*zone des tempêtes*), где бушуют народные тайфуны, землетрясения, цунами [7, р. 74]. Эти ветры перемен сметают вековые традиции, небо становится непроницаемым, раковины каури больше не раскрывают тайны оракулов [7]. Неслучайно автор приводит строку из «Интернационала», исполняемого молодежью с автоматами наперевес о том, что «весь мир насилья мы разрушим до основанья» [Ibid]. В подрывании устоев автор видит угрозу разрушения общества.

Радостный момент обретения независимости в романе Х. Бальбоа Бонеке «Воссоединение. Возвращение с чужбины» омрачает «черная туча, наполненная дурными предзнаменованиями» (*la oscura nube cargada de malos presagios*) [2, р. 10] – метафорическое обозначение диктаторского режима. Приме-

чательно, что в отрывке, посвященном обретению независимости, дважды употребляется лексическая единица *miseria* ('нищета, нужда, лишения'). Первое ее упоминание возникает в рассказе о «цивилизаторской миссии» европейцев, которые «спасли» африканцев от жалкого существования и невежественности. Повторное упоминание возникает при описании диктаторского режима, несущего в себе «смерть, нищету, драму массового изгнания» [2, р. 10].

Х. Бальбоа Бонеке также освещает тему независимости и ее последствий в форме басни в стиле устной традиции. Главный герой басни – белка, для обозначения которой писатель выбирает заимствование из языка буби (*bôjalé*). Белка, «свободная как ветер», «властитель вершин», «бросающий вызов законам земного притяжения» [2, р. 151], однажды падает на землю, где становится пленницей человека, который забирает ее в город и объясняет ей новые, «цивилизованные» правила поведения: «карабкаться к вершинам означает деградацию», «нельзя прыгать и гордо поднимать хвост» [2]. После долгого периода ассимиляции белку насильно возвращают в исходную среду обитания со словами: «Ты свободна <...>. Посмотрим, сумеешь ли ты разумно воспользоваться своей свободой как цивилизованное существо» [2, р. 151 - 152]. Белка со своей семьей поселяется в ущелье. Но проливные дожди разрушают жилище, а ее дети погибают. В ответ на заявление антилопы о том, что место белки – на вершине дерева, она заявляет, что разучилась карабкаться по деревьям, а высота вызывает у нее головокружение. Антилопа дает белке прозвище *êsêlê*, дословно 'белка, живущая в скалах', и говорит ей: «Оставайся в своем ущелье и жди следующего дождя. Может быть, однажды ты убедишься в том, что это не твоя жизнь, и снова станешь такой, как была раньше» [2, р. 153].

Последнее высказывание объясняет использование писателем двух заимствованных лексических единиц – *bôjalé* ('белка, живущая в вершинах деревьев') и *êsêlê* ('белка, живущая в скалистой местности'). В авторском нарративе они символизируют фигуру африканца до и после прихода колонизаторов. *Bôjalé* доколониальной эпохи не знает границ, кроме тех, которые устанавливает себе сама: ведь свобода – это «ее бог и ее правда» [2, р. 151]. *Êsêlê*, продукт

колонизации, убеждена в том, что «стремление к вершинам ведет к деградации», а привычка прыгать с ветки на ветку – признак дикарства. Все эти естественные для белки действия оказываются «проявлениями высокомерия и неприличия и поэтому заслуживают осуждения» [2, p. 151]. Использование приема антитезы, состоящего в противопоставлении лексических единиц «вершины» (*alturas*) и «ведущий к деградации» (*degradante*), прямо свидетельствует

об отношении писателя к вопросу культурной ассимиляции. В немного наивной, но эмоциональной повествовательной манере писатель дает понять, что африканец, утративший укорененность в своей родной культуре, лишается и свободы, чувства гордости, дома и, в итоге, собственной идентичности.

Х.Т. Авила Лаурель говорит об обретении независимости следующим образом:

Fue aquella cosa que se llama independenciam. La independenciam. Con aquel hecho, empezamos todos los que éramos niños a depender de lo que dijeran los que hablaban del Único Milagro de Guinea Ecuatorial su Excelencia don Francisco Macías Nguema. Aprendimos unas cosas... Fue un milagro que aprendiéramos a leer. Claro que algunos no lo hicieron y es una verdad que puede recoger cualquier estadística. La independenciam dio unos pasos y nuestros mayores se arrodillaron ante la sinrazón que se apoderó de todos, casi todos. Dio otros pasos y pronto supimos que Macías no era un hombre de acero ni tenía una voluntad de hierro [1, p. 53].

Это была та штука, которая называется независимостью. Независимость. С ее приходом все мы, дети, оказались в зависимости от того, что скажут те, кто рассуждал об Уникальном чуде Экваториальной Гвинеи - его Превосходительстве доне Франсиско Масиасе Нгеме. Кое-что мы усвоили... Чудом мы научились читать. Конечно, некоторым не довелось этого сделать, и эта правда находит отражение в любой статистике. Независимость сделала несколько шагов, и наши старики преклонили колено перед безрассудством, овладевшим всеми, почти всеми. Она сделала еще несколько шагов, и вскоре мы узнали, что Масиас не был человеком из стали и не имел железной воли.

Независимость пренебрежительно именуется писателем «этой штукой» и соседствует с глаголами «зависеть» (*dependier*), «вставать на колени» (*arrodillarse*), «завладевать» (*apoderarse*). Подобное соположение в тексте имени существительного «независимость» и глаголов, содержащих сему подчинения, включая его однокоренной антоним, говорит само за себя. Писатель не питает никаких надежд в отношении нового этапа в истории развития страны, в которой практически сразу устанавливается диктаторский режим.

Тем не менее, отмечается и амбивалентное отношение писателей к обретению независимости странами Тропической Африки. Например, в сборнике эссе «Моя бабушка из племени банту и мои предки галлы» А. Лопес приводит диалог со своей бабушкой, в котором та говорит, что без белых «мы и иголки сделать не умеем» [6, p. 32].

Х.Ф. Сиале Джангани словно вторит этой красноречивой цитате:

...la independenciam no se (toma) como una lotería ni como la quiniela, <...> en las circunstancias actuales sólo contamos con cinco medicos, cuatro abogados y unos cuantos profesionales en otras ramas... [10, p. 114].

...независимость невозможно (выиграть) ни в лотерею, ни в тотализатор <...> в нынешних обстоятельствах у нас всего лишь пять врачей, четыре адвоката и несколько профессионалов в других областях...

В романах африканских писателей появляются мотивы ностальгии по колониальным временам, начиная с системы образования и заканчивая распылением ДДТ для травли вредоносных комаров. Но если в произведениях франкоязычных писателей она препод-

носится скорее с иронией, то в испаноязычном дискурсе она зачастую звучит вполне искренне. Так, Х. Бальбоа Бонке с ностальгией вспоминает прошлое, ассоциирующееся в его сознании с «простой жизнью», протекавшей на фоне «пышной зеленой расти-

тельности, визитной карточки края банту» [2, р. 10 - 11].

В романе Х.Ф. Сиале Джангани «Пепел калабо и термиты» патриархальная атмос-

фера, размеренность, симулякр стабильности разбиваются вдребезги с исчезновением колониальной империи, рухнувшей подобно ее символу на одной из столичных площадей:

Una ojeada sobre el hombro derecho permite ver las torres de la catedral dando protección al palacio arzobispal, haciendo frente a los altos y robustos palmerales de la peculiar plaza de la que, en años venideros, hombres forzudos arrancarían de cuajo la estatua que se erguía en su centro [10, р. 29].

Если обернуться и взглянуть направо, то можно увидеть башни собора, укрывающие дворец архиепископа, глядящие на высокие мощные пальмы, растущие на занятой площади, из центра которой в грядущие годы дюжие мужчины вырвут с корнем статую.

С пришествием независимости автор постепенно утрачивает трепетное отношение к родному городу:

Estaba perdiendo gusto por mi ciudad, destrozada con el paso del tiempo... [10, р. 109].

Мне переставал нравиться мой город, приходящий в разруху с течением времени...

С душевной болью пишет он о его запустении, разрухе, обеднении и обольванивании населения, зарождении диктаторского режима, замалчивании кровавых межэтнических конфликтов, иллюзии национального единства (*embustera unidad nacional*), появлении новой клики, использующей богатства страны в своих интересах.

Вместо «широких прямолинейных улиц» [10, р. 29] его взгляду предстают «короткие проспекты и узкие улочки» [10, р. 111]. Вместо домов на сваях из бетона или кирпича – строения, наспех сооруженные мигрантами, бегущими от бедности из сельской местности, или редкие уродливые здания, возведенные согласно плану урбанизации. Некогда гладкий «слой асфальта, в котором отражались морские брызги» [10, р. 30], покрыт выбоинами и издает тошнотворные запахи [10, р. 110]. Но, самое главное, поменялись сами горожане. Тех людей, которые создавали город и застраивали его добротными зданиями, чтобы растить в нем своих детей, сменили бездомные, нищие, обездоленные, теснящиеся в лачугах и

никак не пытающиеся изменить свое нынешнее состояние. Больше всего писателя приводит в негодование их бездействие, фатализм, нежелание взять судьбу в свои руки. Если описание горожан в начале романа отличается мажорной тональностью и энергичностью, то сейчас оно насыщено семантикой уныния, безразличия, что выражается в соответствующем подборе лексических единиц: моральная усталость (*lasitud spiritual*), временное оупение (*pausa mental*), влачить безучастное существование (*vivir indiferente sus horas una tras otra*) [10, р. 111-112]. Повсюду царит нищета и запущенность: беспризорные дети, «сироты при живых отцах», опустившиеся мужчины и женщины, пытающиеся хоть как-то прокормить семью. Справедливости ради, писатель отмечает, что ему встречались и достойные люди, не опускающие руки перед трудностями, но их хрупкое положение полностью зависит от самодурства властей.

Узлы хронотопа могут актуализироваться в тексте с помощью интертекстуальных элементов:

...el devenir de la irracional rutina poscolonial había apagado **el sol de la independencia** y masticado las ilusiones como una de esas nueces de cola... [8, р. 31].

...с приходом постколониальной рутины, лишенной всякой рациональности, **солнце независимости** погасло, а иллюзии оказались разжеваны как орехи кола...

В приведенной фразе прослеживается едва различимая аллюзия на роман А. Курумы «Эра независимости» (*Les Soleils des indépendances*, дословно «солнца независимости») [3]. Сравнение «жевать иллюзии как (...) орехи кола» (*masticar las ilusiones como (...) nueces de cola*) требует знания вертикального контекста. Орехи кола, содержащие кофеин и теобромин, употребляются африканцами как тонизирующая и слегка одурманивающая жвачка, служат ценным подарком, символом уважения.

Очевидно, что концепт «независимость» играет важную роль в африканском художе-

ственном дискурсе. Как точка бифуркации, он служит вехой, открывшей новый этап в истории континента. Отношение писателей к нему оказывается амбивалентным. Первое впечатление свободы оказывается обманчивым – власть в молодых государствах оказывается в руках местных коррупционеров и диктаторов. Персонажи некоторых романов испытывают недоумение и смятение, не понимая до конца смысла происходящего. Поэтому для вербализации данного концепта используются в основном лексические единицы, наделенные семантикой разочарования, разорения и хищности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ávila Laurel, J. T. También ejercí de escriba desde la ínsula // La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después Madrid: Editorial Verbum, 2010. P. 51 – 54.
2. Balboa Boneke, J. El reencuentro: el retorno del exiliado. Malabo: Ediciones Guinea, 1985.
3. Kourouma, A. Les soleils des indépendances. Paris: Seuil, 1970.
4. Lewis, M.A. An Introduction to the Literature of Equatorial Guinea. Between Colonialism and Dictatorship. Columbia & London: University of Missouri Press, 2007.
5. Lopes, H. Le Pleurer-Rire. Paris: Présence Africaine, 1982.
6. Lopes, H. Ma grand-mère Bantoue et mes ancêtres les Gaulois. Paris: Gallimard, coll. « Continents noirs », 2003.
7. Lopes, H. Une Enfante de Poto-Poto. Paris: Gallimard, 2012.
8. Mba Abogo, C. El porteador de Marlow. Canción negra sin color. Madrid: Sial, 2007.
9. Mbomio Bacheng, J. Huellas bajo tierra. Malabo: Centro Cultural Hispano-Guineano, 1998.
10. Siale Djangany, J. F. Cenizas de kalabó y termes. Ávila: Editorial Malamba, 2000.

REFERENCES:

1. Ávila Laurel, J. T. También ejercí de escriba desde la ínsula // La palabra y la memoria: Guinea Ecuatorial 25 años después Madrid: Editorial Verbum, 2010. P. 51 – 54.
2. Balboa Boneke, J. El reencuentro: el retorno del exiliado. Malabo: Ediciones Guinea, 1985.
3. Kourouma, A. Les soleils des indépendances. Paris: Seuil, 1970.
4. Lewis, M.A. An Introduction to the Literature of Equatorial Guinea. Between Colonialism and Dictatorship. Columbia & London: University of Missouri Press, 2007.
5. Lopes, H. Le Pleurer-Rire. Paris: Présence Africaine, 1982.
6. Lopes, H. Ma grand-mère Bantoue et mes ancêtres les Gaulois. Paris: Gallimard, coll. « Continents noirs », 2003.
7. Lopes, H. Une Enfante de Poto-Poto. Paris: Gallimard, 2012.
8. Mba Abogo, C. El porteador de Marlow. Canción negra sin color. Madrid: Sial, 2007.
9. Mbomio Bacheng, J. Huellas bajo tierra. Malabo: Centro Cultural Hispano-Guineano, 1998.
10. Siale Djangany, J. F. Cenizas de kalabó y termes. Ávila: Editorial Malamba, 2000.

UDC 81.114.2

DOI: 10.18413 / 2313-8912-2015-1-3-41-48

*Suyunova G.S.
Andryuchshenko O.K.*

**THE IMAGE OF THE CITY
AS A FRAGMENT OF
ONOMASTIC CONSCIOUSNESS***

Suyunova Gulnara Seylbekovna

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor of the Department of the Russian Language and Literature

Pavlodar State Pedagogical Institute

58 Toraigyrov St., Pavlodar, 140000, the Republic of Kazakhstan

E-mail: suynova_gulya@mail.ru

Andryuchshenko Olga Konstantinovna

PhD in Philology, Associate Professor

Head of the Department of the Russian Language and Literature

Pavlodar State Pedagogical Institute

58 Toraigyrov St., Pavlodar, 140000, the Republic of Kazakhstan

E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

ABSTRACT

The modern urban studies addresses its subject – the city – as a complex organized system whose multiple-aspect nature allows to analyze it from various perspectives. This article deals with one of possible aspects of the study of the city, a cognitive aspect, in which the image of the city appears as a mental pattern formed in the process of its perception by subjects of urban life. The authors refer to the latest research in cognitive science and onomastics and substantiate their thesis on that the image of the city is an important part of onomastic and, in a broader sense, linguistic consciousness. To support theoretical provisions the authors used data of the association experiment conducted by them to identify how the city of Pavlodar is perceived by its residents.

Key words: urban studies; image of the city; onomastics; cognitive; linguistic consciousness; association experiment.

* *The article was prepared under the “Basic and Applied Research in the Humanities” Grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Contract № 290 dated 12.02.2015).*